Зорилэ Д.В.

Состояние общественной мысли Германии начала XX века в отражении социологии права Э.Френкеля и финансовой социологии Р.Гольдшейда

Российский химико-технологический университет им. ДИ. Менделеева

(Россия, Москва)

doi: 10.18411/lj-04-2020-96

idsr: ljournal-04-2020-96

Аннотация

В статье анализируются теоретические взгляды и концепции двух представителей общественной мысли Германии первой трети XX века - сторонника социологии права Эрнста Френкеля и основоположника финансовой социологии Рудольфа Гольдшейда. Рассмотрены идеологические установки и основанные на них научно-методологические подходы, применяемые ими в государственно-правовых и исторических исследованиях. Анализируемые авторами природа и функции права, генезис и эволюция государственных институтов под социологическим углом зрения дают представление о состоянии немецкой исторической и правовой науки, а также способствуют обогащению методологического инструментария современной отечественной истории государства и права.

Ключевые слова: государство, конституция, право, финансы, правовой институт, налоги.

Abstract

The article analyzes the theoretical approaches of two representatives of the German thought of the first third of the XXth century – of a partisan of the sociology of the right E. Frenkel and of the founder of the finance sociology R. Goldscheid. The ideological basis and methodological approaches employed in the investigations of the history of state and right are researched. The studies of the two scientists give a view of the state of the German science and enrich the methodology of the domestic science.

Key words: state, constitution, right, finances, institution of the right, taxes.

Революционные события в Германии 1918-1919 годов, которые принято называть Ноябрьской революцией, привели к кардинальным преобразованиям общественного и государственного устройства. Они, в свою очередь, отразили множество различных общественно-политических концепций самого широкого идейного спектра, а впоследствии стали объектом пристального анализа и критики со стороны их представителей – от крайне левых в лице коммунистов до крайне правых сил, представленных националистическими организациями. Знакомство с особенностями идейно-теоретических установок сторонников этих течений позволяет более подробно и полно воссоздать конкретно-историческую политическую обстановку и состояние общественной мысли Германии первой трети XX века, а также дать более обоснованную оценку имевшим место процессам. С этой точки зрения особый интерес вызывают представители общественных наук, применявшие в своих исследованиях актуальные для своего времени социологические подходы – один из сторонников социологии права Эрнст Френкель и основоположник финансовой социологии Рудольф Гольдшейд.

Социология права не могла не получить своего развития в высоко политизированной обстановке Веймарской республики. Одним из ее сторонников явился социалист Э. Френкель (E. Fraenkel), типичный представитель немецких интеллектуалов, игравших определенную роль в государственном строительстве Германии веймарского периода; при этом работы Э. Френкеля мало знакомы в отечественной науке. Биография Э. Френкеля многое определяет в его взглядах. Он

родился в 1898 году в состоятельной еврейской семье. Родители умерли рано, и он был воспитан у дяди во Франкфурте-на Майне, в духе немецко-еврейского мировоззрения, которое находило свое выражение в «настоящем культе образования». Воспитание в духе просвещения и ассимиляции мало дало ему от еврейской религии и культуры. Френкель характеризовал это отношение к еврейству, которое состояло в отвержении антисемитизма, понятием Т. Герцля «вопрекиеврейство» ("Trotzjudentum"). Френкель так же как многие другие представители его поколения осознавал, что несмотря на эмансипацию евреев в Германии он принадлежит к меньшинству, и это было его «изначальным политическим опытом». После возвращения с фронта он намеревался изучать историю, но позже принял решение в пользу правовых наук. Вместе с Ф. Нойманном и Л. Левенталем Френкель основал во Франкфурте-на Майне в 1919 году студенческий социалистический кружок, где обсуждались труды Маркса, К. Реннера, М. Вебера, Ф. Теннеса, К. Шмидта и Г. Кельзена. Лидером молодых юристов был социал-демократ Г. Зинцхаймер, ставший первым ординарным профессором по трудовому праву, впоследствии участвовавший в разработке Веймарской конституции. В начале 20-х годов Э.Френкель вступил в социалистическую партию [13].

Френкель верил в прогресс, поддерживал идею правового государства, осуждал автократическую Россию с ее антисемитскими погромами, называя ее варварской, восхищался Англией как образцовой свободной европейской страной. Трудовое право, на котором специализировался Э.Френкель, имело и политическое измерение, что Френкель хорошо осознавал. В немецкой традиции право было тесно связано с государством, с законом, в гегельянской философии права эти понятия были приведены к равенству. Постулировалось, что право устанавливалось государством, и никем другим. Именно против такого приравнивания государства к закону выступало современное Э.Френкелю трудовое право. Оно признавало не только существование общественных организаций в форме профсоюзов и объединения работодателей, но и то, что эти общественные организации независимо от государства заключали между собой тарифные соглашения. Эти соглашения устанавливали коллективное право, на которое могут ссылаться члены объединений перед трудовыми судами без того, чтобы был принят некий закон, по сути сами создавали право[13].

Вдохновляясь политическим опытом Веймарской республики, Э. Френкель последовательно продолжил развивать новое, общественное направление права, которое до него наметил Зинцхаймер. В двадцатые годы Френкель опубликовал ряд произведений, где теоретически обосновал идею «коллективной демократии» и ее соотношение с парламентаризмом [9, Kollektive Demokratie (1929)]. Как сторонник парламентской системы Э.Френкель с озабоченностью наблюдал постепенную утрату власти парламентом в Веймарской республике, в чем парламент, как он считал, сам был виновен. Еще до того как рейхсканцлер начал управлять с помощью чрезвычайной нормы ст. 48 Веймарской конституции и выключать парламент из политического процесса принятия решений, Френкель подвергал критике сворачивание влияния парламента по отношению к сфере управления и юстиции. Одновременно он заметил тенденцию, наметившуюся в государственно-правовой дискуссии придавать «основным правам», закрепленным в 2 Разделе (Основные права и обязанности немцев) конституции «превалирующее над всем» значение внутри правовой системы и «ослаблять различными аргументами право парламента на изменение конституции». При этом Френкель ссылаясь в первую очередь на конституционное учение Карла Шмитта, в соответствии с которым части конституции, которые представляют из себя в некоем «надзаконном» смысле единое целое, не могут быть изменены даже с помощью «легального» закона. Для Френкеля это было симптомом «исключения парламента» [9, Um die Verfassung (1932), с. 496-509].

Двумя годами после принятия Веймарской конституции Френкель констатировал несостоятельность парламента, который очевидно больше не обладал ни

волей, ни способностью решать основополагающие законодательные задачи, которые на него возложила Веймарская конституция. Вместо этого на основе применения статьи 48 развилась вторая, параллельная законодательная процедура, следствием чего было то, что юстиция в ее практике принятия решений больше не была способна делать отличие между государственными актами, которые рейхспрезидент издавал как «комиссар-диктатор», и собственно законами. «Когда юстиция больше не может осознать, что такое закон, она подвергается опасности вогнать саму себя в зависимость от не-законов (Nichtgesetzen)» [9, *Um die Verfassung* (1932). с. 496-509].

Летом 1931 года Френкель вместе с Францем Нойманном и Отто Кирххаймером разработали собственную концепцию коллективной или, как он называл, «диалектической демократии»: «Утверждать, что любая демократия предполагает полную гомогенность народа, который намеревался демократически устроить свое государственное устройство, не только исторически неверно, но прежде всего является политическим заблуждением» [9, *Um die Verfassung* (1932), с. 496]. В противоположность этому «релятивистская демократия» 19 века опирается на представление, что никто наверняка не может знать правду, и потому должны быть приняты во внимание различные суждения. Однако, по Френкелю, «релятивистская демократия» могла функционировать только в таком общественном порядке, в котором избирательное право является ограниченным равным социальным слоем. В «диалектической демократии», как ее разрабатывал Френкель, партии должны стремиться обеспечить себе большинство в парламенте. Но государственное устройство по Конституции Германской империи 11 августа 1919 года, должно учитывать социальный раскол общества и вовлекать рабочих в политический процесс принятия решений [9, *Die Krise des Rechtsstaates und die Justiz* (1931). с. 453]. Здесь проявляется категория группы (Gruppe), одна из центральных для политической концепции плюрализма Френкеля, работы Френкеля читаются как разработки «теории плюрализма». Френкель перевел понимание категорий друг-враг (Freund-Feind-Kennung) в противоположность капитала и труда и объявил парламентскую демократию не способной разрешить это противоречие. Френкель придерживался идеи необходимости компромисса как характерной черты «диалектической демократии» [9, *Um die Verfassung* (1932) с. 498].

Френкель развивал методологическую базу правовых исследований по социологии права, в которой обращает на себя внимание определенность постановки исследовательских задач: «В то время как дескриптивная правовая социология занимается общим устройством общества, анализирующая правовая социология должна пытаться прояснить становление права, а конструктивная правовая социология занимается отдельным правовым институтом. Социальный феномен долгожительства правовых норм и стремительного преобразования экономической и социальной ситуации ведет к постановке вопроса, как ведет себя остающийся неизменным правовой институт по отношению к изменяющейся общественной действительности. Чтобы выяснить это, необходимо сначала, показать, какое социальное положение соответствует отдельному правовому институту, вывести и сконструировать из содержания правовой нормы ее суть» [9, *Recht und Politik in der Weimarer Republik*. с. 375-376].

Признавая влияние общественных сил на сферу права, Френкель включает судебное правоприменение в сферу интересов социологии права: «Анализирующая правовая социология не ограничивается издаваемыми государством законами, она делает предметом своих исследований также правоприменение. В наше время, когда юстиция видит свою задачу в том, чтобы помимо решения по отдельному случаю участвовать в развитии правопорядка, анализирующая правовая социология должна заниматься решениями вопросов истории, при этом она должна исследовать не только само отдельное решение, но и смещение властей, которое привело к повышению

значения судов для правотворчества» [9, Recht und Politik in der Weimarer Republik. с. 375].

Поставив конкретные задачи, Френкель обогатил понятийный и терминологический инструментарий правовой социологии: «Правовая социология неправильно поняла бы свою задачу, если бы стремилась описать как правовой субстрат нормы права то состояние, которое было ко времени возникновения нормы. Есть нормы права, которые уже ко времени своего законодательного закрепления являются устаревшими и отсталыми, есть нормы права, которые указывают направление в будущее. Как возникают такие несвоевременные нормы, могла бы показать анализирующая правовая социология, конструктивная правовая социология должна обрисовать картину общества, в которую норма могла легче всего вписаться как идеальный тип» [9, Recht und Politik in der Weimarer Republik. С. 376].

Э.Френкель показывает ограниченность возможностей законодателя с помощью правотворчества влиять на общественное развитие, его связанность конкретными социальными условиями: «Если задачей конструктивной правовой социологии является выявить собственную жизнь нормы, одновременно возникает проблема, как вписывается отдельный правовой институт в систему правопорядка. Люди создают законы, чтобы направлять развитие в русло своей воли. Однако историческое развитие играет с людьми шутку: оно оставляет людей в надежде, что они могут через законы сознательно формировать свою судьбу, и само формирует законы людей по своему подобию. Законодатель всевластен, учит нас правовой позитивизм в духе Лабанда (крупный государствовед правового толка – примеч. Зорилэ). Но правовая социология лучше знает: анализирующая правовая социология показывает нам внутреннюю несвободу законодателя от общественных сил своего времени, дескриптивная социология раскрывает ограниченные возможности, бессилие его положений, конструктивная правовая социология полностью показывает его бессилие: не успел законодатель высказать свою волю, как от него уже ускользнула его власть над продуктом его воли» [9, Recht und Politik in der Weimarer Republik. с. 377].

Полемизируя с позитивизмом Лабанда, который абсолютизировал роль права, Френкель в то же время придает самостоятельное значение институту права, признавая определенную автономность его развития, что предполагает его отдельное изучение. «Социальный феномен долгожительств норм права при быстром изменении экономической и социальной ситуации поднимает вопрос, как соотносится остающийся неизменным институт права с изменяющейся общественной действительностью. Чтобы выяснить это, сначала необходимо показать, какое социальное положение соответствует отдельному институту права, из содержания нормы права вывести, сконструировать его суть» [9, E. Fraenkel. Recht und Politik in der Weimarer Republik. с. 375]. Таким образом Френкель четко фокусирует предмет исследования, который позволяет установить границы правовой социологии, отделив ее от других общественных наук.

Историзм, основанный на постулате о преходящей ценности доктринальных установок являются доминирующими в трудах другого немецкого исследователя этого исторического периода, более известного российской науке - Р. Гольдшейду. Так же, как отцам-основателям Конституции Германской империи 1919 года, Гольдшейду созвучен взгляд на соотношение национализма и интернационализма: «Последнее столетие содержало историю развития к национальному государству. Все нападки, которые сегодня направлены против социалистов и интернационалистов, раньше направлялись против националистов. Ту же роль, которую раньше играл партикуляризм, сейчас взял на себя национализм. Сегодня в век широкой международной взаимосвязанности в экономическом и любом другом отношении национализм сильнее проявляется, чем когда-либо раньше, и это имеет свои причины. Нынешнее время является эпохой заверщенного, состоявшегося национализма, в то

время как прошлое было эпохой всего лишь развивающегося национализма. Сегодня развивающийся интернационализм стал так же неудержимо идущим к власти принципом, как раньше это было с национализмом. Сегодня из подспудного слоя исторического процесса снова доносится призыв: твое отечество должно стать больше. И снова традиционные силы прошлого сопротивляются этой социологической необходимости развития» [10, с. 70]. С эволюционным подходом Гольдшейд относится также к национальным государствам как преходящему феномену: «Но националистическое сопротивление развивающемуся интернационализму будет таким же напрасным, как партикуляристское сопротивление против развивающегося национализма. Хотя будет неизбежным конфликт между последствиями враждебных отношений народов и имманентными тенденциями социального структурного устройства, от которого поднявшийся до интернационализма национализм наших дней терпит поражение» [10, с. 70].

В идеях Гольдшейда прослеживается также сходство с экономическими постулатами марксизма: «Экономическим воплощением существования государства являются налоги. Экономическим воплощением существования рабочего является заработная плата. Требуется установить, каково отношение между налогами и заработной платой» [5, с. 309]. Р. Гольдшейд, как и марксизм, признавал связь экономического и национального развития: «С развитием торговли, земледелия, промышленности, а вместе с тем и социального могущества буржуазии, начинался повсюду подъем национального чувства, а раздробленные и угнетенные нации требовали объединения и самостоятельности» [8, с. 344]. Также исходя из классовой структуры общества, Р. Гольдшейд подметил, однако, трансформацию его социальной структуры, постепенное объединение работодателей и наемных работников в единую, по его мнению, массу потребителей: «Наступление организованных потребителей совсем преобразует социальную структуру иначе, нежели это до сих пор делала единственно действенная коалиция рабочей массы и среднего класса. Забота об интересах потребителей заставляет осознать очень далеко идущее совпадение их насущных задач, должно подтолкнуть в свои ряды большую часть всех тех капиталистов, которые непосредственно заинтересованы в повышении покупательной способности широких масс. Осознавая тенденцию к концентрации людей как потребителей, развивается сила, которая пытается регулировать свою жизнь также и вне сферы производства и таким образом охватывает ее во всем человеческом существовании» [10, с. 48].

Р. Гольдшейд пошел, однако, дальше – финансовой составляющей функционирования современного общества и государства он отводит самостоятельное место: «Экономические и финансовые отношения /.../ не тождественны. Так, известно, что финансовые отношения призваны реализовывать публичный интерес, который подлежит защите средствами принуждения, имеющимися в распоряжении властного субъекта (в частности, Российской Федерации, ее субъектов, муниципальных образований)» [1, с. 62]. Важным с методологической точки зрения является тезис Гольдшейда о разграничении предметов экономического и финансового права: «Таким образом, проводя аналогию (но не тождество) с финансовым правом, можно попытаться сделать вывод о том, что если предметом финансового права являются финансовые отношения, реализуемые властным субъектом в процессе его финансовой деятельности (по аккумулярованию, распределению и использованию фондов денежных средств), то предмет экономического права – это экономические отношения, реализуемые как публичными, так и частными субъектами экономической деятельности в процессе перераспределения финансовых и нефинансовых активов (т.е. всех материальных ресурсов страны)» [1, с. 63]. Понимание различия экономических и финансовых отношений позволило Гольдшейду выделить финансы в отдельный предмет исторических исследований: «Государственные кассы представляют собой

скорее лишь своего рода проводной канал народного достояния. Все то, что государство получает, оно должно потратить на расходы; оно с одной стороны с прибылью возвращает могущественным магнатам капитала то, что оно у них с другой стороны должно забрать. /.../ Все, что оно выжимает в виде прибыли из населения, утекает у государства между пальцев, проглатывается расходами, которые из-за неукротимого удорожания растут быстрее, чем с трудом увеличенные сборы. Другими словами: расходы государства имеют тенденцию к росту почти в геометрической прогрессии, в то время как регулярные поступления в лучшем случае растут в арифметической прогрессии /.../. Если невозможно препятствовать предпринимателям во все большей мере переводить огромные доходы в цены, которые они должны уплатить в виде публичных платежей, то государство с неизбежностью вынуждено с трудом устанавливать равновесие в своем бюджете за счет изыскания новых источников налоговых поступлений, чтобы справляться с непомерно возросшими расходами, поскольку за все продукты, которые оно должно получить от частного сектора экономики, оно должно платить ростовщические цены. Государство находится в таком же бедственном положении, так как должно обеспечить своим чиновникам, служащим и рабочим жалование, полностью компенсирующее удорожание, и потому нехватка бюджетных средств становится его перманентным фатумом, кроме того безгранично растущим дефицитом, который выливается во все большую и беззащитную долговую кабалу государства пред капиталом, прочно удерживает его в железных оковах, а заодно с ним всю массу населения» [12, с. 108-109]. По Марксу для буржуазии «способ распределения и взимания налогов, равно как и расходования их, представляет собой жизненный вопрос как благодаря влиянию, оказываемому на торговлю и промышленность, так и потому, что налоги являются той золотой цепью, которой можно задушить абсолютную монархию» [5, с. 310].

Опыт Первой мировой войны наложил отпечаток на идеи Гольдшейда, придав ему детерминирующее свойство: «Финансовая история, чей невероятно ценный фактический материал с социологической точки зрения лежит перед нами почти совершенно неисчерпанным, ничего не показывает четче, чем преобразующую государство силу всех войн, которая в гораздо большей мере состоит в их преобразующих воздействиях на экономику и в частности на государственные финансы, чем в изменениях границ или в изменениях оборонной организации, которые они имеют следствием. Многочисленные сложности, с которыми приходится бороться государственному бюджету во всех странах, происходят почти исключительно из бесконечно тяжелых финансовых послевоенных тягот, из-за которых государство было вынуждено во все более растущем масштабе одалживаться у частного сектора. В этой растущей задолженности государства перед частным сектором кроется конечная причина безграничного налогового давления, которое до сих пор приговаривал народ к такой бесконечно тяжелой судьбе /.../. Конечно, не всегда государство находилось по отношению к своим гражданам в качестве неимущего. Длительные периоды в большей степени богатство государственной кассы или королевской казны составляло реальный фундамент государства, что все больше толкало его во власть имущих. Как прежде всего войны способствовали процессу классового образования, упрочивая огромные социальные различия за счет угнетения и лишения собственности побежденного населения, так именно прежде всего войны в связи с концентрацией огромных частных состояний одновременно закрепляли прогрессирующее обеднение государства и так со временем способствовали формированию сегодняшнего государства в том виде, в котором оно вынуждено функционировать вполне в духе его сторонников. Господствующие классы могут, поскольку они руководствуются исключительно своими эгоистичными обособленными интересами, не нуждаться ни в каком финансово консолидированном, мощно стоящем на ногах самодостаточном государстве. Такое государство они не смогли бы с такой же прибылью хозяйственно

использовать, как современное государство, которое из-за своей финансовой нужды в любом отношении полностью вынуждено выполнять их волю» [11, с.5-6]. Это положение также сходно с оценками марксизма: «...буржуа хорошо оплачивает свое государство и заставляет нацию оплачивать последнее, чтобы иметь возможность безнаказанно платить плохо; хорошей платой они обеспечивают себе в лице государственных служащих силу, которая их охраняет, - полицию; они охотно платят и заставляют нацию платить высокие налоги, чтобы иметь возможность безнаказанно перелагать уплачиваемые ими суммы на рабочих в виде дани (в виде вычета из заработной платы)» [6, с. 179].

Р. Гольдшейд пришел к пониманию генетической связи государства и финансов: «Чему учит уже сама история возникновения государственной кассы, королевской казны, регалий, их отчуждения или передачи в залог в моменты нужды, так же как все иные трансформации, которые со временем проделали эти институции. Какое невероятное социологическое значение имеет история возникновения государственных расходов и государственных доходов, показывает история налогов, таможенных пошлин, сборов и иных таких разнообразных платежей в казну государства. Какие глубокие представления о тончайших деталях общественного механизма дает невероятно изменчивая история государственного кредита! По праву можно сказать: нет никакой области истории, которая в каждой клетке своего тела была бы так напитана кровью, как решающая для судеб народных масс история государственных финансов. Здесь особенно громко слышен пульс жизни народов, здесь находишься прямо у истоков всех социальных бед» [11, с. 2]. Такой подход, весьма созвучен современным представлениям, позволяя анализировать функции государства через финансы идя от частного к общему: «Именно нормы финансового права, будучи концентрированным выражением финансовой политики государства (как носителя суверенитета), лежат в основе финансовой деятельности и приводят в действие финансовую систему страны» [1, с. 63]. «В основательном труде по социологии государственного бюджета, отрывки из которого я надеюсь опубликовать в ближайшие годы, я намереваюсь показать в подробностях, насколько велико число важнейших государственных учреждений, которые имеют свое первоначальное происхождение в изменяющихся финансовых потребностях государства. Это имело место в особенности после войн при скачкообразно растущих финансовых потребностях государства, что обосновывало только внутреннюю взаимосвязь между судьбой отдельного человека и общностью, из которой постепенно развилась становящаяся все более плотной сеть прав и обязанностей гражданина государства. Но для данного произведения, которое посвящено главным образом наиболее актуальным вопросам современности, достаточно коротко упомянуть эти взаимосвязи, чтобы показать большое значение проблемы государственных долгов и ее решения в целом для будущей государственной структуры и государственной функции» [11, с. 5].

Гольдшейд говорит об отражении закономерностей государственного развития в структуре его бюджета: «Часто основное внимание направляют почти исключительно на государство как юридическое лицо вместо того чтобы в первую очередь изучать его экономическую обусловленность. Таким образом сложилось так, что при всех усилиях проникнуть в самую суть причин его развития, государство скорее пытаются осмыслить из чего угодно, но не из структуры его бюджета. Тщательный анализ государств через призму того опыта, который навязывает теперешняя война, показывает, что существует связь между государством и государственным бюджетом, который следует назвать телом государства, и без ее основательного понимания невозможно получить достаточно удовлетворительное представление о наполняющем государство духе» [11, с. 1]. Р. Гольдшейд конкретизирует видение взаимозависимости выполняемых государством функций и расходовемых бюджетных средств, говоря о необходимости сдерживания бюджетных расходов: «Государство может быть

совершенно разным в зависимости от размера расходов, ради которых оно вынуждено искать необходимые источники поступлений. Государство, чьи расходы держатся в относительно умеренных границах, может в гораздо большей мере позволить себе исключительно регулирующие вмешательства в экономику своей страны. Оно способно проявить более высокую степень объективности по отношению ко всем экономическим сражениям между различными слоями населения, чем государство, которое уже из-за невероятной величины своих финансовых потребностей приговорено к ненасытной жадности, оно должно потакать любой жадности частного сектора, чтобы получить свою долю в доходах частной экономики» [11, с. 27-28].

Особый интерес для методологии представляет попытка Р. Гольдшейда придать финансовой науке общественное измерение: «Если до сегодняшнего дня финансовая наука, в отличие от финансовой истории, не дает об этом ни малейшего представления, если она, вместо того чтобы быть живейшей и ярчайшей, играющей всеми красками дисциплиной, осталась самой мертвейшей и серейшей, и кажется не может предложить ничего, кроме сухого цифрового материала, то это имеет свою причину прежде всего в том, что финансовая наука сильнее, чем какая-нибудь другая дисциплина развивалась под давлением партийно-политических влияний и несмотря на все усилия, несмотря на все посвященные ей старания, почти никогда не исходила из того, чтобы претендовать на значительно большее, нежели быть основанной на непосредственном опыте решения исключительно практических сиюминутных задач – и даже во многом только обслуживающая техника определенных классов – что она себе не достаточно серьезно поставила цель дать законченную теоретическую систему, которую развивали бы шаг за шагом в объективном исследовательском духе, строили бы на всей совокупности социально-научных знаний своего времени» [11, с. 2-3]. Переосмысливая узкий подход к финансовой науке, Гольдшейд предпринимает попытку более активного ее включения в ряд других общественных наук: «Существует хорошо организованная и обширно развитая наука, которая занимается исследованием государственного бюджета, и она уже разработала многочисленные методы для целей тщательного осмысления и урегулирования запутанных проблем государственных финансов. Это финансовая наука» /.../ «Но учитывая то, какое место занимает финансовая наука в общей системе социальных наук, мы наблюдаем ее только в ее прежнем отношении к экономической науке, и неоспоримо, что она составляет его придаток, без того, чтобы описывать ее более тесную связь с ее центральными вопросами» [11, с. 1-2]. Гольдшейд предлагает некий синтез финансовой науки и социологии: «Недостает также социологического освещения финансово-экономических проблем. Полностью отсутствует мост между социологией и финансовой наукой, учет влияния соответствующего состояния государственных финансов на общественное развитие в основополагающих социологических трудах, точно так же как в самых авторитетных учебниках финансовой науки напрасно искать систематическое проникновение в социальные причины и влияния когда-то данной структуры государственного бюджета. Самый поверхностный взгляд на данные финансовой истории заставил нас прийти к мысли, что вряд ли есть две области знаний, которые в такой большой степени призваны взаимно обогащать друг друга, образуют неотъемлемое дополнение друг друга, как финансовая наука и социология» /.../ «Так сложилось, что финансово-научные проблемы до сих пор рассматривались совершенно в отрыве от общекультурной взаимосвязи, в то время как с другой стороны социология надеялась охватить общественные феномены в их глубине, не отдавая себе отчета в их функциональной зависимости от соответствующей структуры государственного бюджета и последнего от нее. Однако функциональную взаимосвязь между государственными финансами и общественным развитием можно осознать только из точнейшего анализа своеобразия характера государства в каждой исторической фазе» [11, с. 2-3]. Гольдшейд намечает и встречное направление развития социологического

анализа в сторону финансов: «/.../ не будет преувеличением сказать, что в правильно осмысленной финансовой науке и особенно в соответственно оцененной финансовой истории следует искать ключ к социологии государства. Другими словами: научно-финансово и финансово-исторически ориентированная социология не должны прозябать в таком же неполном, фрагментарном и неудовлетворительном состоянии, как финансовая наука, которой недостает необходимой социологической ориентации при разработке своих основных проблем. Главнейшие вопросы современной жизни не получают полного освещения, когда не достигнута достаточная научная ясность по поводу той роли в общественном развитии, которую играет государственный бюджет, когда взгляд на взаимоотношения между юридической структурой государства и экономической структурой государственного бюджета не отражает теоретический фундамент финансовой науки и таким образом не развивает ее до финансовой социологии» [11, с. 3].

Вывод Р. Гольдшейда, назвавшего войны одним из главных катализаторов развития и трансформации государства и его структур, представляется упрощением, чрезмерно узкой детерминированностью истории человечества. Более важен для развития научного знания методологический вывод из размышлений Р. Гольдшейда: финансы и их история объясняют характер государства и направленность государственной политики. Налоги более точно, чем порой конституция, отражают реальное соотношение политических сил и групп интересов – такой подход Р. Гольдшейда нашел применение: «Одним из открытий социологии финансов является идея, что государство – не просто технический институт, оно лежит в сердце национальной конкуренции и дискуссии по поводу различных инфраструктурных приоритетов, субсидий, налогов, сборов, таможенных пошлин, тарифов и даже условий, при которых частные банки могут одолжить деньги у центрального банка. Все эти условия жизни, работы, коммерции являются результатом политической борьбы среди различных групп и интересов» [2, с. 52-55]. Можно добавить: государство представляет собой продукт борьбы интересов различных групп, а налоги – индикатор, «барометр» его состояния, результатов этой борьбы. Многогранное творчество Гольдшайда уже получило высокую оценку в отечественной науке: «Он обогатил не только социологию, экономику, но и юридическую науку многими важными идеями и новыми подходами. Среди них особое значение для целей нашего исследования имеют (1) переосмысление природы финансовой науки и финансового права; (2) революционный взгляд на соотношение конституционного и финансового права; (3) критика финансовой политики и финансового права с точки зрения социальной антропологии; (4) теория государственного капитализма; (5) идея финансового социализма» [3, с. 298]. Ценным представляется также, что уделяя большое внимание соотношению пограничных общественных дисциплин и расширяя научно-методологический инструментарий, и Э. Френкель и Р. Гольдшейд сумели сохранить ясность относительно предмета исследования правовой науки.

1. Е.М. Ашмарина. От финансового права – к экономическому. // Государство и право. № 11. 2011 г. С. 59-67.
2. Захарьин П.А. Фискальная социология: взгляд на налоговую политику государства. // Теория и практика общественного развития. 2012 N 10. С. 52-55.
3. С.В. Королев. Краткая история экономических учений в фокусе теории права: монография / С.В. Королев. – М.: Юстицинформ, 2017. – 464 с
4. С.В. Королев. Финансовые основы конституционного права в перспективе теории Рудольфа Гольдшайда. // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2005. Выпуск N 6 (66). С. 20-21.
5. К. Маркс. Морализирующая критика и критицирующая мораль. Маркс, Энгельс. Сочинения. Издание второе. М. 1955. 615 с.

6. К. Маркс, Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Том 1. Избранные сочинения в 9 томах. Том 2. М. 1987.
7. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М. 1983. 483 с.
8. Ф. Энгельс. Роль насилия в истории. Написано в конце декабря 1887- марте 1888 г. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные сочинения в 9 томах. Том 6. – М. 1987. 664 с.
9. Ernst Fraenkel. Gesammelte Schriften. Band 1. Recht und Politik in der Weimarer Republik. Baden-Baden. 1999. 700 с.
10. R. Goldscheid. Das Verhältnis der ausseren Politik zur Inneren. Ein Beitrag zur Soziologie des Weltkrieges und Weltfriedens. 3. Auflage. Wien-Leipzig. 1915.
11. R. Goldscheid. Staatssozialismus und Staatskapitalismus. Ein finanzsoziologischer Beitrag zur Lösung des Staatsschulden-Problems. Vierte und fünfte Auflage. Wien-Leipzig. 1917.
12. R. Goldscheid. Sozialisierung der Wirtschaft oder Staatsbankrott (Ein Sanierungsprogramm). Vierte und fünfte Auflage. Leipzig-Wien. 1919.-128 с.
13. Simone Ladwig-Winters. Ernst Fraenkel. Ein politisches Leben. Campus-Verlag. Frankfurt/New-Jork. 2009.
[Url:http://www.books.google.ru/books?id=nEP/AgAAQBAJ&pg=PA7&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false]
[Дата обращения 26.09.2019.]

Кожевникова В.О.

Особенности деятельности таможенного перевозчика

*Самарский государственный экономический университет
(Россия, Самара)*

doi: 10.18411/lj-04-2020-97

idsp: ljjournal-04-2020-97

*Научный руководитель
Паулов П.А.*

Аннотация

Деятельность таможенного перевозчика регулируется таможенным органом. Таможенный перевозчик осуществляет перевозку товаров в соответствии с настоящим Положением и особенностями Законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: таможенный перевозчик, перевозка товаров, таможенное сопровождение, таможенная служба, товар.

Abstract

The activities of the customs carrier are regulated by the customs authority. The customs carrier carries out the transportation of goods in accordance with this Regulation and the specifics of the Legislation of the Russian Federation.

Keywords: customs carrier, transportation of goods, customs support, customs service, goods.

Таможенный перевозчик может осуществлять перевозку товара под таможенным контролем по инициативе заинтересованных лиц или после вынесенного решения таможенного органа. Решение таможенного органа является обязательным для перевозчика, отправителя и получателя.

Взаимоотношения перевозчика, отправителя и получателя строятся только на договорной основе. Таможенный перевозчик может осуществлять перевозку товара не только на своих личных транспортных средствах. Ему разрешено использовать прицепы, контейнеры и другие оборудования третьих лиц.

Расходы, которые возникают у перевозчика, связанные с транспортировкой товара через границу, регулируются между всеми сторонами (перевозчиком, отправителем, получателем). Все расходы лежат только на этих лицах, таможенные органы их не возмещают.